
ИНДИВИД И ЛИЧНОСТЬ

А.А. Разин

ЭТНОКУЛЬТУРА: МЕСТО И РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ ЦЕЛОСТНОГО ЧЕЛОВЕКА. Часть 1

Аннотация. В статье культура рассматривается в узком смысле слова, как система, возвышающая человека. По мнению автора, нет абстрактной мировой культуры: она состоит из суммы этнокультур, представляющих собой стройную систему. Традиционная (этническая) культура нуждается в сохранении как социальная технология, способствующая становлению целостного человека. А глобализация, свойственная нашей цивилизации, порождает носителей эклектичной бездуховной масс-культуры.

Ключевые слова: психология, природа человека, этнокультура, мировая культура, консерватизм, социальный прогресс, социальная технология, становление человека, национальный нигилизм, духовность.

*Нами овладела, как чума, ужасающая мания
европеизации. Когда человек начинает стыдиться
своих предков — это конец.*
Свами Вивекананда

*Культура может называться высокой, если даже
она не создала техники или скульптуры, но её так не
назовут, если ей не хватает милосердия.*
Йохан Хёйзинга

Человековедение как наука и не связанное напрямую с онтологией — это абстрактно-теоретический мир, который существует лишь как возможность, тогда как общество нуждается в **социальной технологии становления целостного и самостоятельного человека** — человека как субъекта общественных отношений, как хозяина жизни и своей судьбы. Действительный мир — это мир ответственного поступка, причём М.М. Бахтин рассматривает бытие как событие¹. При таком подходе к проблеме социального прогресса выбор падает на человековедение как Учение о становлении человека, которое не может быть оторвано от культуры, поскольку человек очеловечивается благодаря культуре.

«Человек общается с целостным миром благодаря культуре. Только опираясь на культуру, мы можем перевернуть самих себя. Современная массовая куль-

тура, напротив, выполняет тормозящую роль, загоняя человека в повторяющиеся клише социального опыта, отвлекая его от мира, заставляя его только реагировать на стимулы и ловить кайф, наполняя его душу фатализмом, конформизмом и гедонизмом, которые Виктор Франкл [В. Франкл, 2000] отнёс к коллективным неврозам нашего времени»².

Освальд Шпенглер ещё в начале XX века проявлял озабоченность разрушением культуры и формированием частичного человека. И был прав. Так называемая глобализация, создавая удобства, разрушает самобытную национальную культуру, упрощает социальные связи, и соответственно ведёт к социальному регрессу. И он прав. «Индивид, заброшенный в мир таинственных вещей и явлений, просто не в состоянии самостоятельно осознать назначение и смысл окружающего бытия. Он нуждается в системе ориентации, которая дала бы ему возможность отождествить себя с неким признанным образцом. Вот почему огромную роль в культурологии играет проблема культурной идентичности»³.

Что такое культура? Принято различать существительное (материальная культура) и глагол. Глагол через деятельность индивида или социума выражает уровень их духовной культуры. Надо сказать, Запад в отличие от Востока (Ближний Восток, Юго-Восточная

---

¹ Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник: 1984-1985. М., 1986. С. 114-115.

² Леонтьев Д.А. Труд становится человеком и удовольствие оставаться обезьяной // Гуманитарный альманах «Человек. RU». 2007. № 7. С. 166.

³ Шажинбатын А. Проблема культурной идентичности // Эдип. 2008. № 3. С. 65.

Азия, Индия) пошёл по пути одностороннего развития материальной культуры в ущерб духовной. В то же время у северных народов, индейцев, африканцев уровень духовной культуры высок.

Культура в широком смысле слова неоднородна. В ней есть как прогрессивные составляющие, способствующие очеловечиванию человека, так и регрессивные, уводящие в сторону от облагораживания человека, разрушающие в нём человеческое и низводящие его до животного (или даже ниже животного) состояния. Категория «культура» включает много аспектов.

Различают культуру внешнюю и внутреннюю. Внешняя культура человека выражается через форму одежды и соблюдение этикета. Для неё характерно поверхностное межличностное общение, не задевающее глубинные струны души, соответственно не способствующее формированию целостного человека. Она направлена на то, чтобы удивить другого, поразить его воображение внешним блеском, «мишурой» и «способностями». Можно сказать, Евгений Онегин выведен Пушкиным как тип человека с внешней культурой. В сущности, внешняя культура напоминает показной армейский порядок, в России прививается через копирование обрывков западных ценностей.

Внутренняя культура усваивается человеком в микросоциуме, особенно в условиях традиционной культуры. В ней все составные части «притёрты» друг к другу, гармонично сочетаются с окружающей средой (природной и социальной). Уровень внутренней культуры в обществе можно оценить по многим критериям в том числе: а) по положению слабых (женщин, детей, стариков, инвалидов, обездоленных); б) по отношению к окружающему миру, в том числе, людям иной национальности и веры, к самому себе и природе. Носитель внутренней культуры умеет соотносить свои интересы с интересами других, умеет победить самого себя, способен управлять своими ощущениями, инстинктами, эмоциями и чувствами, может поделиться с ближними и дальними людьми материальными средствами, временем, энергией.

Культура в узком смысле слова — это то, что **возвышает человека**, то, что способствует очеловечиванию человека; это то, что возделывается, воспроизводится. Культура в жизни выполняет смыслообразующую функцию, упорядочивает внутренний мир и повседневное поведение человека. К. Маркс уровень культуры определяет по отношению к женщине. Культура также — это условности и символы⁴.

Как система она сводится к этнокультуре, народности (К.Д. Ушинский). Там, где сохранилась традиционная культура, общество функционирует нормально даже без специального Учения, без идеологии. Но человековедение как Учение призвано дополнять этнокультуру, научно и философски обосновывать её, помогать с помощью теории разобраться в природе человека, чтобы в океане жизни плавать не вслепую (полагаясь только на механизм этнокультуры).

Этнокультура — квазикатегория, плохо поддающаяся вербализации и строгой дефиниции. Она представляет собой **целостную систему**, составляющие которой взаимосвязаны и влияют друг на друга. Словосочетание «традиционная культура» можно сравнивать с такими сочетаниями как «мокрая вода», «горячий огонь», потому что истинная культура есть традиционная, поэтому под словом «культура» всегда подразумевается содержание традиционной культуры. В традиционной культуре ничто не противоречит так называемой общечеловеческой, более того, что единичное по своему содержанию всегда богаче общего. Традиционная культура соответствует природе человека, представляет собой органичную стройную систему, для которой характерны наличие сложных социальных связей, глубинное межличностное общение на уровне души. Её можно сравнить со стержнем, упорядочивающем поведение, образ жизни и образ мыслей человека.

В культуре любого народа сформировано понятие о порядочности, чести и достоинстве. Этнокультура охватывает разные стороны жизни, вбирает в себя этнопсихологию, этнопедagogику, этномедицину, национальную кухню, фольклор, символы, мифологию, систему табу, язык, обычаи, одежду, праздники, миропонимание, веру, принципы жизни, песни, танцы, обряды.

Этнокультура напрямую воздействует на душу человека, минуя контрольные пункты, «таможню» сознания. Народная мудрость усваивается ребёнком благодаря включённости в систему отношений без специальных приёмов, без дидактики, без назидательности. И в процессе становления человека очень важно, чтобы отношения в школе не противоречили системе отношений этнокультуры и не противоречили бы этнопсихологии, мифологии данного народа, соответствовали бы принципам народного воспитания.

В цивилизации сложилось так, что ни наука, ни философия, ни восточные Учения не занимаются

⁴ См.: Спирова Э.М. Символ в истолковании К. Леви-Стросса // Философия и культура. 2008. №5. С. 100-111; Спи-

рова Э.М. Пауль Тиллих о символической природе культуры // Философия и культура. 2009. № 6. С. 50-56.

душой. В то же время, практика свидетельствует, что этнокультура, выверенная временем, способна возвращать душу. Народная культура выполняет системную функцию, то каждый этнос представляет собой самоценность, культура каждого народа самодостаточна. Облагораживающее воздействие носителей традиционной культуры на её потребителей осуществляется через пример её носителей. В традиционной культуре на первом месте находится почитание старших: нарушение преемственности поколений чревато губительным воздействием на социальный облик молодёжи и является необратимым процессом в жизни общества. Если родители теряют авторитет в глазах ребёнка, он, как правило, становится так называемым «трудным» или маргиналом. Маргинал — беспринципный человек, воспитанный в эклектической среде, занимающий промежуточное положение между носителями синкретичной культуры и впитавший обрывки разнородных культур.

Среди примет российской маргинализации можно отметить:

- готовность публики рукоплескать любой пошлости, в том числе образу «новых русских баб»;
- функционирование детских интернатов при живых родителях и домов престарелых при живых детях;
- тенденция к усилению отчуждения между людьми;
- распространение пассивных (прозападных), бездуховных форм отдыха (в кафе, дискотеках);
- тенденция к исчезновению культурных традиций: костюмированных маскарадов, национальных свадеб и других обрядов и ритуалов, в которых каждый является действующим лицом, а не пассивным зрителем представления, подготовленного артистами коммерческой фирмы;
- эрозия патриотизма, распространение национального нигилизма;
- исчезновение народного песнопения, в т.ч. колыбельного;
- заполнение эфира иностранной эстрадой (подобного нет ни в одной стране).

К.Д. Ушинский утверждал: «Народ, поющий чужие песни, больной народ». Действительно, смена музыкального ритма в корне меняет человека и способствует исчезновению этноса. В Китае давно заметили эту закономерность, поэтому там музыка считается государственным делом, и никто не допустит произвола в музыкальной политике. Об этом же гласит китайская поговорка: «Разрушение любого государства начинается именно с разрушения его музыки. Не имеющий чистой и светлой музыки народ, обречён на вырождение».

Эта истина усвоена не только в Китае, но и в Индии, и в некоторых странах Юго-восточной Азии. В разной степени сопротивляются распространению продукции американской бездуховной масскультуры европейские и арабские страны. Там усвоили, что консерватизм — основа социального прогресса, что поступательное развитие общества может осуществляться только эволюционным путём, а революция, разрушая традиции, способствует социальному регрессу.

Культура, опирающаяся на национальный принцип, стимулирует «духовно-возвышающие человека ценности», идеальный аспект такой культуры органически, «интимно», близок «ее носителям»⁵. Этнокультура способствует формированию национальной гордости, человеческого достоинства, характера. «Воспитание не имеет целью развития науки, и для него наука не цель, а одно из средств, которыми оно развивает в человеке свой собственный идеал. Воспитание берёт человека всего, как он есть, со всеми народными единичными особенностями, — его тело, душу и ум, — и, прежде всего, обращается к характеру человека, а характер и есть именно та почва, в которой коренится народность. Почва эта, разнообразная до бесконечности, прежде всего, однако, распадается на большие группы, называемые народностями»⁶.

Вышесказанное подтверждается биографией выдающихся людей. Большинство их имеют провинциальное происхождение, а родившиеся в столичном городе ранних лет не имели возможности приобщаться к этнокультуре (фольклору, народной мудрости...). Сегодня успешными являются те народы, которые сохранили самобытную культуру. В России среди таковых особо можно отметить евреев.

Почему евреи во многом успешны? К примеру, музыкальное, театральное и киноискусство СССР процентов на восемьдесят представлено еврейскими авторами, в том числе, такие популярные песни как «Катюша» (Матвей Блантер), «Широка страна моя родная» (Исаак Дунаевский), «День Победы» (Давид Тухманов). За что не берутся иудеи, везде достигают высот: и в науке, и философии, и ремесленничестве. В Израиле «конфетку» сделали из сельского хозяйства: в пустыне создали оазисы — 250 сельхозкоммун (кибуцев) — с умопомрачительной производительностью труда. Кто-то скажет: «Евреи — талантливый этнос». Да, несомненно, но нет нации без талантливых генов, поэтому наша задача создать условия для прорас-

⁵ Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 2007. С. 56.

⁶ Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании. Избранные произведения. М., 1968. С. 269.

тания гениальных генов у представителей всех этносов. «Секрет» евреев прост: они консервативны, не утратили преемственность поколений и этническую идентичность. Несмотря на исторические перипетии, им удалось сохранить этнокультуру как систему: традиции, трудолюбие, творческое отношение к любой деятельности, терпимость, этническую религию, обряды, праздники, неиссякаемый юмор, культ ребёнка и женщины. Их талант раскрывается благодаря наличию атмосферы любви в семье. Этим же, думаю, объясняется отсутствие среди евреев суицидальной проблемы.

Нет абстрактной мировой культуры. Так называемая «мировая культура» состоит из суммы этнокультур. «Общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна, поскольку все этносы имеют разный вмещающий ландшафт и различное прошлое, формирующее настоящее, как во времени, так и в пространстве. Культура каждого этноса своеобразна, и именно эта мозаичность человечества как вида придаёт ему пластичность, благодаря которой вид *Homo sapiens* выжил на планете Земля»⁷. «Общечеловеческая «культура» возможна лишь при предельном упрощении (за счет уничтожения национальных культур). Предел упрощения системы — ее гибель»⁸.

Освальд Шпенглер доказывает, что культуры разных народов настолько различаются, что ни о какой единой общечеловеческой культуре не может быть и речи: «Индийская культура, идея (браминской) нирваны которой является самым решительным выражением абсолютно аисторической души, какое только может быть, никогда не обладала хотя бы малейшим ощущением «когда» в каком бы то ни было смысле. Не существует настоящей индийской астрономии, индийского календаря, стало быть, индийской истории, поскольку под этим разумеется духовный конденсат сознательного развития. О зримом протекании этой культуры, органическая часть которой завершилась с возникновением буддизма, нам известно гораздо меньше, чем об античной, наверняка богатой великими событиями истории между XII и VIII вв. Обе попросту сохранились в сновиденно-мифическом гештальте. Лишь спустя целое тысячелетие после Будды, около 500 года после Р.Х., на Цейлоне в «Махаванче» возникло нечто отдаленно напоминающее историографию.

Земное сознание индуса было предрасположено настолько неисторично, что даже такой феномен,

как сочиненная каким-либо автором книга, был незнаком ему в качестве стационарного по времени события. Вместо органического ряда персонально разграниченных сочинений постепенно возникала смутная масса текстов, в которую каждый вписывал то, что ему хотелось, без того чтобы понятия индивидуальной духовной собственности, развития мысли, умственной эпохи играли какую-либо роль. В это анонимном гештальте — таков гештальт и всей индийской истории — лежит перед нами индийская философия. Пусть сравнят с нею историю философии Запада, физиогномистически отточенную до предела книгами и личностями.

Индус забывал все, египтянин не мог ничего забыть. Индийского искусства портрета — биографии *in puse* — никогда не существовало; египетская пластика едва ли знала какую-либо другую тему⁹.

Буддийская философия времен до н.э. представляется западному человеку чем-то мифическим, неправдоподобным, странным явлением. «Египетская мумия — символ высочайшего порядка. Увечивали тело умершего и в то же время сообщали вековечность его личности, его «Ка», посредством портретных статуй...

Существует глубокая связь между отношением к историческому прошлому и пониманием смерти, как оно выражается в обряде погребения. Египтянин отрицает бренность, античный человек утверждает ее всем языком форм своей культуры. Египтяне консервировали даже мумию своей истории: хронологические данные и числа. В то время как от досолоновской истории греков не сохранилось ничего, ни одной даты, ни одного подлинного имени, ни одного конкретного события — что придает единственно известному нам остатку гипертрофированное значение, — мы знаем имена и даже точные годы правления многочисленных египетских царей третьего тысячелетия и гораздо более раннего периода... Леденящим символом этой воли к долговечности лежат еще и сегодня в наших музеях тела великих фараонов, сохранившие заметные черты облика... Это — преодоление бренности, голого настоящего, и неантично в высшей степени¹⁰.

Разные культуры определяют разный менталитет, разное миропонимание, разные ценности. «Микенской эпохе было абсолютно чуждо сакральное выделение обряда сожжения мертвых на фоне прочих, параллельно практикуемых первобытными народами

⁷ Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 2007. С. 35.

⁸ Там же. С. 56.

⁹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. I. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. С. 139.

¹⁰ Там же. С. 140.

каменного века. Но в гомеровский период (а также и в ведийский) происходит внезапный, мотивируемый лишь душевно переход от погребения к сожжению, которое, как свидетельствует Илиада, совершалось с полным пафосом символического акта — торжественного уничтожения, отрицания всякой исторической долговечности»¹¹.

«Энтелехия Аристотеля единственное — историческое — понятие развития из всех существующих. Тем самым определяется наша задача. Мы, люди западноевропейской культуры, с нашим историческим чувством являемся исключением, а не правилом. «Всемирная история» — это наша картина мира, а не картина мира «человечества». Для индуса и грека не существовало картины становящегося мира, и, когда однажды угаснет цивилизация Запада, возможно, никогда уже не появится такая культура и, значит, такой человеческий тип, для которого «всемирная история» была бы столь же мощной формой бодрствования»¹².

Для представителя западной цивилизации крайне сложно понять мир восточного человека. «Восточная картина была покоящейся, замкнутой, застывшей в равновесии антитезой с однократным божественным действием в самом центре»¹³. Западник или не примет чужую «парадоксальную» восточную цивилизацию, или имеет о ней искажённое представление.

И вообще, что за мифическое явление «человечество»? «...у «человечества» нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, как нет цели и у вида бабочек или орхидей. «Человечество» это зоологическое понятие или пустое слово. («Человечество? Но это абстракция. Издавна существовали только люди, и будут существовать только люди» (Гёте — Лудену)). ... Есть расцветающие и стареющие культуры, народы, языки, истины, боги, ландшафты, как есть молодые и старые дубы и пинии, цветы, ветви и листья, но нет никакого стареющего «человечества». У каждой культуры свои новые возможности и выражения, которые появляются, созревают, увядают и никогда не повторяются... Эти культуры, живые существа высшего ранга, растут с возвышенной бесцельностью, как цветы в поле. Подобно растениям и животным, они принадлежат к живой природе Гёте, а не к мертвой природе Ньютона. Я вижу во всемирной истории картину вечного образования и преобразования, чудесного становления и прехождения органических форм. Цеховой же историк

видит их в подобии ленточного глиста, неустанно откладывающего эпоху за эпохой»¹⁴.

Общечеловеческие ценности не существуют как абстракт, они проявляются как национальный дух, национальное самосознание, национальная культура. Всё национальное есть источник общечеловеческого. «Школа каждого народа должна возвращать в своих питомцах национальный дух этого народа. Российская Школа обязана возвращать русскую духовность, грузинская Школа должна возвращать грузинскую духовность, латышская — латышскую, армянская — армянскую...»¹⁵.

С этнокультурой нельзя обращаться произвольно. Каждый народ интересен своей самобытностью, «у каждого народа своя особенная национальная система воспитания; а потому заимствование одним народом у другого воспитательных систем является невозможным»¹⁶. А волюнтаристское насаждение обрывков чужой системы приводит к образованию суррогата культуры. Там, где игнорируется эта истина, этнос сходит с исторической арены — превращается в удобрение и подпитывает культуру другого народа, сохранившего свою самобытность.

Глобализация началась давно, ещё в начале прошлого столетия высказывались опасения: «Те романо-германские державы, которые окажут России помощь, сделают это, конечно, не по филантропическим побуждениям и постараются поставить дело так, чтобы в обмен на эту помощь получить Россию в качестве своей колонии»¹⁷.

Существует мнение, что идея евразийства положительна: «Лично мне тесные контакты с казаками, татарами, узбеками показали, что дружить с этими народами просто. Надо лишь быть с ними искренними, доброжелательными и уважать своеобразие их обычаев. Ведь сами они свой стиль поведения никому не навязывают»¹⁸.

Сильные мира сего нещадно эксплуатировали крестьян и уничтожали этнокультуру. Они не понимали (и не хотели понимать), что человек и этнокультура неотделимы. Современная глобализация есть продолжение денационализации России, начатой в предыдущие столетия.

¹⁴ Там же. С. 151.

¹⁵ Амонашвили Ш.А. Истина школы. М., 2006. С. 6.

¹⁶ Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании. Избранные произведения. М., 1968. С. 283.

¹⁷ Трубецкой Н.С. Русская проблема. М., 1921. С. 298.

¹⁸ Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 2007. С. 11.

¹¹ Там же. С. 141.

¹² Там же. С. 143.

¹³ Там же. С. 148.

«Затаённой мечтой каждого европейца является обезличение всех народов земного шара, разрушение всех своеобразных обликов культур, кроме одной европейской... которая желает прослыть общечеловеческой, а все прочие культуры превратить в культуры второго сорта»¹⁹.

Писатель Валентин Распутин художественным методом исследует зависимость уровня прогрессивности общества от сохранения этнокультуры. Анализируя его произведения, можно заметить корреляцию между уровнем духовности героя и степенью освоения им традиционной культуры. В повести «Последний срок» через простенький сюжет выявлена наметившаяся тенденция эрозии души наших современников. Героиня повести старушка-мать, почувствовав приближение своей смерти, всем детям послала телеграммы. Все приехали, кроме Танчоры, самой младшей и самой любимой дочери. Но та не едет. Мать в недоумении: как можно не ехать по телеграмме матери, приглашающей навеки попрощаться? Какие ещё неотложные дела могут задержать? Из-за этого не может успокоиться, не может умереть. Один из сыновей, не дождавшись смерти матери, потихоньку начал опустошать бутылки с водкой, заготовленной для похорон. А мать делает последние распоряжения по своим похоронам. Её очень волнует вопрос соблюдения обычаев, обрядов, ритуалов. Старшей дочери высказывает свои опасения, мол, вы похоронить-то «по-людски» не сможете, и учит её причитать, как это принято на святой Руси. Для неё утрата этнической культуры была равносильна утрате человеческого. Умерла старушка-мать после того, как дети разъехались. Умерла с душевным надрывом, не успокоившись, не попрощавшись с «поскрёбывшем» — со своей любимой Танчорой.

Писатель, озабочен проблемой маргинализации русского этноса и распространением беспринципности, бездуховности. Мне хочется провести параллель с удмуртским этносом.

Об удмуртской этнокультуре

Как правило, носителем удмуртской этнокультуры является крестьянин. Традиционный крестьянин знает язык и историю своего этноса; любит родные места, природу родного края, охраняет окружающую среду, трудится во имя расцвета материального и духовного благосостояния своего народа, уважает слабых (детей, стариков, женщин, инвалидов), бережно относится к достоянию предков, их культуре; здоров физически, психически и нравственно; по характеру открытый, то-

лерантный; имеет восторженно-поэтическое восприятие мира; способен идеализировать другого человека, соответственно способен любить; соблюдает традиции, обычаи, обряды, ритуалы; способен управлять собой (через соблюдение системы табу); ведёт трудовой образ жизни; самодеятелен; как интернационалист способен оценить инородную культуру.

Он привязан к родным местам, имеет восторженно-поэтическое восприятие мира, является патриотом Родины. Патриотизм ёмкое понятие. Сущность патриотизма заключается не только в переживании возвышенных чувств, связанных с природой родного края, или ностальгии при разлуке, но прежде всего в бережном отношении к достоянию предков, усвоении их культуры, деятельности во имя расцвета материального и духовного благосостояния своего народа, укрепления обороноспособности своей Родины, деятельности по охране окружающей среды, повышению авторитета своей республики и страны в глазах народов всего мира. Носитель этнокультуры способен оценить культуру как своего, так и иного народа.

Категории «человек культурный» и «человек разумный» взаимосвязаны: крестьянин, живущий в условиях традиционной культуры, в условиях общинных отношений, даже не читая философские труды, может стать стихийным диалектиком, может находить «золотую середину», то есть может подняться до разумного уровня.

В процессе становления носителей этнокультуры огромное место занимает язык. Как говорит мадьярский профессор Петер Домокош, любой народ велик уже тем, что создал язык. Язык в себе таит и многостороннюю информацию, и философскую мудрость, и жизненную самобытность. Эту мысль многократно подчеркивал выдающийся педагог К.Д. Ушинский: «Находя в языке много глубокого философского ума, истинно поэтического чувства, изящного, поразительно верного вкуса, следы труда сильно сосредоточенной мысли, бездну необыкновенной чуткости к тончайшим переживаниям в явлениях природы, много наблюдательности, много самой строгой логики, много высоких духовных порывов и зачатки идей, до которых с трудом добирается потом великий поэт и глубокомысленный философ, — мы почти отказываемся верить, чтобы все это создала эта грубая, серая масса народа, по-видимому, столь чуждая и философии, и искусству, и поэзии, не выказывающая ничего изящного в своих вкусах, ничего высокого и художественного в своих стремлениях. Но в ответ на рождающееся в нас сомнение из этой же самой — серой, невежественной, грубой — массы льется чудная народная песнь, из которой почерпают свое вдохнове-

¹⁹ Трубецкой Н.С. Русская проблема. М., 1921. С. 49.

ние и поэт, и художник, и музыкант; слышится меткое, глубокое слово, в которое, с помощью науки и сильно развитой мысли, вдумываются филолог и философ, и приходят в изумление от глубины и истины этого слова, несущегося из самых отдаленных, самых диких, невежественных времен»²⁰.

Константин Дмитриевич очень переживал из-за проникновения национального нигилизма в русскую среду и стремление господ обучать детей на иностранном языке, игнорируя родной язык. «Чем ревностнее занимаются с детьми изучением иностранного языка, — писал он, — тем ревностнее должны заниматься с ними в то же время изучением родного; этим только можно парализовать неизбежный вред, происходящий для душевного развития дитяти от усиленных первоначальных занятий иностранным языком»²¹.

Вовсе не безразлично для духовного развития дитяти, на каком языке оно говорит в детстве. «Да, язык, который дарит нам народ, один уже может показать нам, как **бесконечно ниже стоит всякая личность** (выделено мной — А.Р.), — как бы она образованна и развита ни была, как бы ни была она богато одарена от природы, — перед великим народным организмом!»²². Это высказывание полностью относится и к удмуртскому языку. Действительно, язык есть народный организм: как и подобает организму, он целостен и взаимосвязан.

По мелодичному удмуртскому говору можно определить покладистый, доброжелательный национальный характер. На удмуртском языке отсутствует матерщина как таковая, на нем сложно выразить гнев, трудно подобрать резкие, убийственные, оскорбительные слова. Даже при порицании выражения получают обтекаемые, мягкие. Удмуртский язык, как и любой, самобытен. Например, невозможно адекватно перевести существительные *берекет* (примерно: неисчерпаемый достаток, божья благодать), *эль* (родина, край, природа), *туган* (дорогой для сердца человек: друг, зазноба, любимый), может использоваться и во множественном числе (*туганъёсы*) — по отношению к очень уважаемым людям, с которыми водят дружбу, встречают праздники, к которым систематически ходят, чтобы посоветоваться, поделиться радостью.

²⁰ Ушинский К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании. Избранные произведения. М., 1968. С. 325.

²¹ Ушинский К.Д. Проект учительской семинарии. Избранные произведения. М., 1968. С. 339.

²² Ушинский К.Д. Родное слово. Избранные произведения. М., 1968. С. 327.

В удмуртском языке сохранились многие древние черты, в частности агглютинативный строй. «Агглютинация» (от лат. «приклеивать») — способ образования производных слов и грамматических форм путей присоединения к неизменяемому корню стандартных суффиксов, которые располагаются друг за другом. К корню может приклеиваться до нескольких суффиксов. Они позволяют многие существительные употреблять в притяжательной форме. Особенно это характерно для вещей, места жительства и людей. Например, произносятся слова «портфель», «деревня», «город», «мама», обозначается их принадлежность: «*портфеле*», «*портфелед*», «*портфелез*» (мой портфель, твой портфель, его портфель); *гуртамы* — в нашей деревне, *городазы* — в их городе. Русский неопределенно говорит «мама устала», а удмурт использует притяжательную форму, уточняет чья мама: «*анае*» «*анаед*», «*анаез*» (моя, твоя, его).

Изучая язык народа, можно понять его самобытное миропонимание, познать особый взгляд на явления, на жизнь. Например, представляет интерес: почему у удмуртов разное отношение к смысловому значению слов «*чуж*» (желтый) и «*вож*» (зеленый)?

Объяснение очень простое. Каждая культура основана на символах. Для удмуртов *чуж* (желтый цвет) является **символом Солнца и символом жизни**. Они издревле поклоняются Солнцу — источнику жизни на Земле, благодаря которому есть все живое на Земле. Они признательны всему, что благоприятствует их жизнедеятельности.

Удмурты издревле отмечали День рождения Солнца. По поверьям оно родилось из груди вечного духа «Осто» и стало согревать все вокруг. Благодаря Солнцу отступают холода, оживает Природа, наступает весна.

Это самый главный праздник удмуртов — начало календарного года. Назвали его *Будзыннал* (букв. «Великий день»), отмечали в течение семи дней. Был обряд встречи Солнца в образе девушки на белом коне, одетой в желтую одежду, украшенной желтым венком и парня на игреневом коне, одетом в белую одежду. Встречали их далеко за деревней с восточной стороны под звуки священного *Бидзым крезя*, торжественно, с радостными возгласами, бросали им под ноги желтые цветы²³.

В честь Солнца красили яйца в желтый цвет. Христианство присвоило этот праздник и назвало «Пасхой» (с тех пор яйца стали красить в самые разные цвета).

²³ Герд К. Кузёбай Герд. О ней я песнь пою...: Стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 102.

Кроме Солнца, источником жизни человека является мать. К ней у удмурта особое отношение — всех родственников по материнской линии он почитает особо — почитание выражает, используя слово «чуж» (желтый): *чужанай, чужатай, чужапай, чужмурт, чужкенак, чужодиг*. При этом слово «чуж» придает этим словам оттенки: «солнечный», «светлый».

Если у какого-то народа желтый цвет является символом измены, то для удмуртов он является цветом спелых хлебов, урожая — символом осени, символом достатка.

Кстати, национальный цветок *италмас* тоже желтого цвета. Украшением удмуртского огорода являются многочисленные подсолнухи с солнечными цветами.

К весьма интересным выводам можно прийти, занимаясь этимологией сложных слов с использованием слова «вож». Удмурт, благодаря наблюдательности, благодаря постоянному общению с природой, стал стихийным диалектиком. Видимо, еще в древности он сделал открытие, что в человеке есть два начала: природное и человеческое. Это не только два начала, но и два уровня: а) биологический (животный), б) человеческий. Видимо, удмурт уже **давным-давно** осознавал противопоставленность человека природе и понимал, что человеческое в человеке вторично и возвышенно по отношению к природному (животному) началу.

Но подняться над животным миром — стать человеком — очень непросто. «Жить на человеческом уровне — это путь наибольшего сопротивления. Путь наименьшего сопротивления — это снизить уровень существования. Поэтому это так привлекательно и поэтому многие выбирают этот путь. История XX, да и уже XXI в. показывает, что человеку оказывается доступен такой выбор, как не быть человеком. Вообще быть человеком — это не такая простая вещь, за это приходится платить. Не быть человеком всегда проще»²⁴.

Удмурт осуждает человека, который не сумел подняться над животным миром, и которым управляют инстинкты и эмоции, а не разум. Происхождение данного осуждения можно понять, изучая удмуртский менталитет, рассматривая сущность духовного идеала *Дунне адями* и этимологию слова, отражающего негативные качества человека — *вожпотон* (злость, агрессивность), *вожан* (ревность), *вожъяськон* (зависть), *вожвълъяськон* (ссора, скандал), *вожомон* (ярость). Во всех этих словах в качестве производного используется

слово «вож» (зеленый). Объяснение в данном случае очень простое: для древнего удмурта *вож* (зеленый цвет) был символом необузданной стихии, дикой природы, звериного начала. На эти выводы также наталкивают размышления о духе *вожо*.

С помощью слова «*вожо дыр*» удмурты отмечают отрицательное состояние природы. *Вожо дыр* — это переломное, таинственное время, когда господствуют неведомые силы, с которыми надо считаться. *Вожо дыр* зависит от положения Солнца: летом наступает в период солнцеворота — в конце июня — начале июля, зимой — в конце декабря — начале января; и в каждые сутки тоже: в полдень, в полночь, в сумерки (утренние и вечерние). Во время *вожо дыр* необходимо быть крайне осмотрительным. В полдень и полночь могут показаться привидения, могут слышаться голоса, шум и зовы, предзнаменующие собой нечто особенное. В полдень купаться нельзя, даже гуси в это время выходят из воды. В сумерки надо сумерничать: работать и резко двигаться нельзя, громко разговаривать нельзя, свет зажигать нельзя, желательно молча сидеть. Того, кто своевольничает и не соблюдает обычаи, резко осуждают, даже презирают. Рассказывают много случаев о том, как человек, игнорирующий *вожо дыр*, ушибся, поранился, покалечился, тонул или его ребенок стал «*шайтан воштэм*» (оборотень).

На перекрестке дорог (*сюрес вож*) господствуют неведомые силы. Поэтому на перекрестке надо быть крайне осмотрительным, осторожным, с неведомыми силами необходимо считаться, например, там нельзя сидеть. Но можно использовать их для избавления от недуга. Так, человек, страдающий каким-то недомоганием (скажем, подвихнул ногу), может совершить целительный обряд. В сумерки дома берет в правую руку горсть крупы с солью и молча идет на перекресток дорог, ни с кем не заговаривает, на вопросы не отвечает; на перекрестке разворачивается и, не глядя назад, через левое плечо бросает горсть крупы с солью и произносит: *эmez-юmez та медло, висись пыды мед бурмоз*. Возвращаться надо спокойно, не озираться, ни с кем не разговаривать, думать только о выздоровлении. Заговорить можно, только переступив порог избы. Поскольку ты входил в контакт с неведомыми силами, о проведенном обряде никому не рассказывать. Если не будешь соблюдать народные поверья, если в чем-то отступишь от кем-то заведенного порядка, попадешь под власть злых духов, тебе будет очень плохо.

Есть мелкие, но красивые луговые цветы лилового цвета *инвожо* («гвоздика-травянка», народное название «часики»). Эти цветы охраняет дух Природы *вожо*, поэтому в период *вожо дыр* их срывать нельзя, иначе тебя *чашгёз* — поразит громом (молнией).

²⁴ Леонтьев Д.А. Труд становится человеком и удовольствие оставаться обезьяной // Человек.RU. Гуманитарный альманах. 2007. № 3. С. 165.

Удмурты, будучи стихийными диалектиками, осознавали свою противопоставленность природе, но одновременно понимали свою родовую связь с ней, поэтому не разрушали ее, пользовались ей разумно. Они считали, что не надо тратить силы на борьбу с неведомыми силами, не надо заниматься уничтожением их, а необходимо или обходить их, или использовать их в свою пользу.

За всю свою историю удмурты сумели выработать технологию очеловечивания человека и подняться до высокого уровня преодоления самого себя. Диалектичное отношение к природе, умение быть в гармонии с ней дает повод для высокой характеристики их менталитета.

Этномедицина, заклинания и проклятия

Удмурт верит в силу слова, в силу заклинания и проклятия, поэтому не говорит всуе. И есть десятки рассказов о том, как сбылись слова проклятия, особенно человека *сизьым сето* (родившегося в семье седьмым или семимесячным). Якобы он обладает особыми свойствами, и его проклятие особенно действенно. Но, если объект проклятия чувствует себя правым, невиноватым, может слова проклятия вернуть самому субъекту. Если в ответ произнести: «*Шуныт ымысьтыд шуныт пияд*» или «*Каргаськемед аслыд мед усёз*», субъект проклятия пострадает сам.

У удмуртов число семь — счастливое, считается, что оно обладает магическими свойствами. Новогодний праздник Акашка удмурты отмечали в течение семи дней. В неделе семь дней. Число семь фигурирует и в фольклоре, например, «*Табере со сизьым шур йылэ вуиз, дыр, ини*»; «*Сизьым пуныен но уд шедьты*»; «*Сизьымзэ яратисько но оgez понна бордисько*»; поминки «*сизьым уй*» (Сравните: у русских — «за тридцать земель», поминки «девятый день»).

В заклинаниях, заговорах используется число семьдесят семь (*сизьымдон но сизьым пол*).

Удмурт верит в силу заговоров, гаданьям, в приметы. Многие удмурты пользуются услугами *Туно-пеллэ* (народного целителя), избавляющего от недугов лекарственными травами, заговорами.

Удмурт самодеятелен и универсален, сам занимается своим здоровьем, редко прибегает к услугам медиков. Каждый второй удмурт владеет некоторыми методами самовнушения и заговора, унаследованными от родителей. Автор этих строк в своей семье использует лекарственные травы, практикует заговоры, народные методы внушения и самовнушения. Этномедицина удмуртов жива и ожидает дальнейшего распространения.

Туно-пеллэ ранее выполнял и функции шамана. Поэтому его воспитывали, готовили с малых лет культовые жрецы, выбрав неизбалованного, смыслёного, рассудительного мальчика из порядочной семьи. Брала его с собой при свершении любых обрядов и ритуалов. Он должен был стать носителем удмуртской этнокультуры: обладать мировоззрением удмуртов, уметь выражать состояние своей души через песни, танцы, красноречие, общаться с сакральным миром, уметь связать свой микрокосм с макрокосмом, быть выше суеты сует. Мальчик осознавал свою будущую миссию и готовился к ней очень серьезно.

Туно (шаману) доверяли выборы своего преемника, выборы культовых жрецов, выбор роши для будущих молений, выбор места для новой *куалы*, выбор места для будущей деревни. Кроме того, он делал прогнозы, предсказывал судьбу, лечил от болезней.

Народные целители, так называемые «необразованные люди», не имея специального медицинского образования, добивались положительных результатов при лечении больных за счет использования духовных сил (как собственных, так и пациента). Знахарь утверждает, что болезнь — это последствия незнания законов природы, нарушения гармонии природы, что экология души обуславливает экологию природы: здоровье или болезни; на очень глубоком уровне убеждает пациента, что тот не одинок в своей борьбе с болезнью и смертью, предлагает ему свою помощь, делится своей «духовной энергией»²⁵. При этом уровень веры пациента определяет степень успешности лечения.

Удмуртские знахарки с помощью массажа вылечивали молодых женщин, страдающих бесплодием. Они вначале находили «*нуны герд*» (букв.: родильные узлы) и по ним определяли как причину болезни, так и количество детей, которых родит эта женщина. Действительно, с помощью массажа творили чудо — рождались дети, притом столько, сколько предсказывала целительница.

Знахари всегда были близки с природой, знали ее законы. Знахарская практика представляет собой путь духовного роста, развитие специфических способностей, путь достижения гармонии в отношениях с окружающим миром.

Особое место в удмуртской среде занимает колдун. Называют его *вединь*. Он (она) есть почти в каждой деревне, но почетом не пользуется, так как якобы яхшается с нечистым миром, с темными силами. *Вединь* — бранное слово. *Вединя* почти все сторонятся: кто-то побаивается

²⁵ Разин А.А. и др. Роль народной медицины в формировании целостного человека // Вестник Удмуртского университета. 1999. № 10. С. 205.

его колдовской силы, а кто-то просто презирает, не желает дружить и породниться, поэтому он обитает в своеобразном социальном вакууме.

Духовный идеал удмуртов

Духовный идеал есть у каждого народа: у русских — это мудрец, у татар — аксакал, у кавказцев — джигит, у европейцев — рыцарь, у японцев — самурай, духовный идеал удмуртов — *Дунне адями*. *Дунне адями* (в некоторых местах называют «*Дунне кутись адями*») означает «человек Вселенной», «хозяин Вселенной», «всдержатель Вселенной». Это человек, стремящийся сохранить существующий миропорядок.

Дунне адями есть истинный человек: толерантный, основательный, надежный, за что ни берется, все делает как лучше, добротнo, ко всему относится по-хозяйски, рачительно пользуется дарами природы, обладает чувством меры, живет по принципу «не навреди», идентифицирует себя с составными частями Вселенной, **ответствен за все, что делается в мире**. Будучи открытым, свободным от догмы, восприимчивым к иной культуре, он **имеет твердые убеждения и принципы**, от которых никогда не отходит (можно провести параллель с аксакалом, мудрецом).

Приведу конкретные примеры *Дунне адями*. Их очень много, живых и ушедших в мир иной. Среди них моя мама, Ирина Ивановна, в деревне ее звали *Орина апай* или *Зунняшур кенак*. Была абсолютно толерантна, со всеми ладила. Полуобразованная крестьянка. В школе училась всего полгода, читать и писать умела, знала несколько языков. В труде была универсальной, справлялась с десятками видов крестьянского труда: рукодельничала (пряла, вязала, ткала, шила, плела кружева); умела валить лес, пахать, сеять, жать, косить, скирдовать, сложить воз, освежевать тушу животного, консервировать продукты, трепать лён... Как хозяйка готовила деликатесы из подручных продуктов. Проявляла живой интерес ко всему на свете: и к космосу, и природе, и народной медицине, и международным делам. Была очень наблюдательна: следила за явлениями природы и космоса; вела фенологические наблюдения; по народным приметам предсказывала погоду; запомнила: когда были морозы, выпал снег или иней, в каком году совпали осадки зимы и лета. По расположению звёзд на Млечном Пути определяла, какие культуры уродятся в следующем году.. По уровню познания (законов природы, социума и человека) никому не уступала, по человеческим качествам поднялась до высшей ступеньки. В голове держала генеалогическое дерево до семи колен, помнила дни рождений многих родственников и посылала поздравления к их Юбилеям.

Диалектически сочетала чувство собственного достоинства и принципиальность с толерантностью, терпимостью, милосердием, сочетала покой со сверхчувствительностью. Была кристально честной, гордой, главным судьёй в её жизни была собственная совесть. Гневающейся видел только раз, когда односельчанка недалёкого ума оскорбила её, но мама такими глубокомысленными словами ответила — та, уверен, запомнила на всю жизнь. Врагов у мамы как таковых не было, а у меня, имеющего множество дипломов, врагов, как говорится, пруд пруди.

Ей была свойственна философская рефлексия, была требовательна к себе, никогда не хвасталась, всю жизнь говорила: «Ума хватает — толку не хватает». Всю жизнь перенимала чей-то опыт, училась как лучше вести домашнее хозяйство, слушала радио, запоминала сказанное в телепередачах и кинофильмах.

Жалела ленивых людей: «Мне жалко ленивых людей: им не дано ощущение наслаждения от процесса труда, труд для них является наказанием, а я от труда получаю удовольствие, оттого счастлива». Действительно, я не помню её праздно отдыхающей — отдых представлял собой смену формы деятельности, и самым большим наказанием для неё было лишение возможности трудиться.

Её речь была пересыпана пословицами, поговорками, метким словом, шуткой, юмором, намёком. Целый день пела, по настроению то весёлые, то грустные народные песни. Конечно, у любого этноса преобладают минорные песни, даже у воинственных татар, потому что их слагают не баи, не безбедно живущие муллы, а несправедливо обиженные, угнетённые люди.

Мама соблюдала все национальные традиции, обычаи, обряды, ритуалы, презирала тех, кто в чём-то отступал от канонов, делала замечания за вольности, даже если кто-то искажал слово. У удмуртов не принято принародно выражать эмоции, интимные чувства, но, когда его любимого брата Микаля брали на войну, на проводах рыдала на всё село Алнаши. Её сердце чуяло, что она видит его в последний раз.

Перед войной, когда мужчины деревни Кузьмгурт не были ещё мобилизованы, были ещё на месте, её вызвали в колхозную контору, уполномоченный райкома КПСС на заседании правления колхоза предложил её кандидатуру на должность председателя колхоза. Она не посмела взять на себя ответственность и ответила: «Я политически неграмотная». Уполномоченный райкома КПСС удивился и сказал: «По такому ответу можно судить, что справишься. Ну, кто ещё из вашей деревни способен так ответить?» Да, она бы справилась с должностью председателя колхоза. Специалисты: бухгалтер, агроном, зоотехник, механик вели бы своё

дело, а она бы сумела расставить людей, организовала бы работу как лучше, управляла бы по справедливости. Тогда бы не бесчинствовали сталинисты — маргинализированные председатели колхоза.

Два раза была замужем, но ни с одним из них не познала чувства любви. Первый муж, видимо, напоминал необливанного телёнка, неспособного завоевать сердце женщины, неспособного заступиться за молодую жену и сказать: «Отец, давай к празднику купим моей красавице-Орине обнову (туфли, шаль, платок, украшение...)». За восемь лет совместной жизни ни одного наряда ей не купили, донашивала приданое. Не лежало её сердце к мужу, несколько раз возвращалась в отчий дом, но отец (мой дед) каждый раз запрягал лошадь, сажал её на телегу и вновь возвращал к мужу.

Может, даже лучше, что большую патриархальную семью, в которой жили три женатых сына со своими детьми, в 1932 году раскулачили как зажиточную. Не дожидаясь, когда всех сошлют как раскулаченных в северные необжитые лесные края, вся члена семьи своевременно разбежались кто куда.

Моя мама два года была в бегах. Переходила из деревни в деревню только ночами и только лесами: днём поймают активисты-щукари (типа шолоховского Щукаря) и сдадут милиции, а по дорогам ходить было не безопасно — в тот период бродило много бандитов. Перебивалась разного рода подработками. Натерпелась всяческих унижений, говорила: «У меня было тысячи причин покончить собой, но эта мысль, ни разу не приходила в голову». Когда к ней сосватался вдовец (мой будущий отец), она была безмерно счастлива — создавших новую семью больше не преследовали.

Создала новую семью: и он, и она были известными во всей округе как открытые душой люди, основательные, порядочные, трудолюбивые крестьяне и хлебопашники. Отец мой, Алексей Семёнович, был чрезмерно крутого нрава, понятия не имел о сентиментальности, видимо, считал, что осчастливил жену уже тем, что женился на ней. Соответственно мама — эмоциональная и лиричная натура — полюбить его не смогла. Ко мне приставала: «Скажи, что такое любовь? В песнях поют, в кинофильмах без конца говорят про любовь, а я не знаю что это такое». Но я ни разу не ответил ей — не знал, что сказать.

У отца моего уже был сын Вася от первого брака — от жены, скончавшейся от тифа. Двухлетнюю бездетную маму обрадовалась сыну, поскольку мечтала иметь детей. Брат мой Вася был невысокого роста, нежный, беззащитный, прошёл войну, прослужил семь лет. Мама всегда жалела его. Они любили и заботились друг о друге. И брат за-

вещал похоронить его рядом с мамой (хотя она ему была лишь мачехой) — это ещё одно свидетельство об их духовной близости.

Мама любила детей, особенно внуков, с удовольствием водилась с ними, пела колыбельные песни, рассказывала им сказки. Нас никогда не ругала, никогда не давала задания в приказном тоне. Скажем, если надо что-то делать по хозяйству, говорила: «Надо бы корову попать», «Надо бы хлев от навоза вычистить», «Надо бы огород вскопать». Или спрашивала: «У тебя уроков много ещё?» Это означало: надо бросить подготовку уроков и идти работать, а назавтра прятать голову под партой, чтобы перед учителем не позориться из-за невыученного урока. Но когда тебе не приказывают, а интеллигентно намекают или просят, отказать невозможно, тем более самому дорогому тебе человеку. Она же сама трудилась не покладая рук. Вставала в четыре утра, ложилась не раньше 10-11 часов вечера.

Однажды случился инцидент с соседями. Наша соседка *Олёна* плохо жила со своим мужем *Очеем*, который систематически избивал её. Решила наказать его, посадить в тюрьму. Подходит однажды к моей маме и говорит: «*Орина апай*, мы с *Очеем* съели твоего барашка, которого ты потеряла. Помнишь, ты поздней осенью выпустила овец в огород? Тогда мы с *Очеем* заманили того барашка к себе во двор и зарезали. Поддай на нас в суд». Мама сказала: «Из-за этого барашка я не стану ни беднее, ни богаче и судиться с вами не буду».

Крестьяне считают, что чиновники не способны устанавливать порядок и справедливость, недоверчиво и даже высокомерно относятся к государственным органам, поэтому отношения с односельчанами выясняют без постороннего вмешательства и презируют тех, кто ходит по судебным инстанциям. Удмурты жили общинами в условиях безгосударственной цивилизации и обходились без тюрем, полиции, освобождённых священнослужителей. Не было детских домов и интернатов для престарелых людей. Сельская община сама наводила порядок в деревне, сама искореняла социальную аномалию, в том числе воровство. Вора избивали всем миром: мужчины, бросив работу, водили по деревне и били столько, сколько решит сельский сход. Должен был ударить каждый встречный. Кроме того, останавливались против каждого дома и мужчин просили выйти ударить (хотя бы раз). Вор каждому объяснял, за какую провинность его бьют. Если член общины отказывался бить вора, его как единомышленника, как человека, потворствующего воровству, ставили рядом с вором и тоже водили по деревне и били.

Ещё один факт игнорирования государственных органов традиционными крестьянами. Когда создавалась новая семья, для молодожёнов главными авторитетами были не чиновники, а родственники. Так было даже в советское время. Мои родители поженились в 1934 г., а брак заключили лишь в 1946 г. после рождения четвёртого ребёнка. И лишь потому заключили, что узаконенный государством брак, оказалось, давал определённые привилегии. Если бы не эти привилегии, могли прожить вовсе без государственного свидетельства о браке.

В конце 30-х гг. прошлого века большинство обычаев сельской общины отмерло. А моя мама считала, что скандал с соседями из-за меркантильного вопроса, тем более выяснение отношений через суд, унижает ее достоинство. Тогда *Олёна* сама написала заявление в суд от имени моей мамы. Мама в суд не пошла, но *Олёну* с мужем все равно осудили, посадили в тюрьму. Дело было перед войной. *Очей* попал в штрафной батальон и погиб на передовой линии фронта, а *Олёна* вернулась, просидев в тюрьме срок, определенный по приговору. Там научилась курить и ходила к нам, чтобы с отцом смолить самокрутку с самосадам. Парилась в нашей бане, поскольку своей не было. И никто никогда ей не напоминал про тот инцидент.

Другой пример *Дунне адями*: Вера Ивановна Колесникова. По профессии учительница. Автор учебников. В своё время много раз избиралась депутатом, в том числе, депутатом Верховного Совета УАССР. Но когда ей исполнилось 55 лет, школу бросила, вышла на пенсию, занялась огородом, пчёлами — по её пониманию, самый нормальный образ жизни ведёт крестьянин. Любит копаться в земле, ухаживать за растениями и пчёлами. Везде у неё получается, во всём наведён порядок.

Ей скоро исполнится восемьдесят пять лет. Но она не стара: жизнерадостна, энергична. К ней, как к народной целительнице, приходят молодые женщины за здоровьем. Она помогает травами и советами. В ее концепции здоровья, согласно традиционным установкам, главное место занимает моральный фактор. Каждому новому «пациенту» задает один и тот же вопрос: «Говоришь, болеешь. Должно быть, злишься на кого-то, завидуешь, наверно? Освободись от агрессии. Радуйся жизни, радуйся природе, птицам, цветам. Радуйся чужой радости, помогай, чем можешь людям, меньше лежи на диване». Затем делится лекарственными растениями, учит, как заряжаться энергией от Природы, деревьев, Земли, Солнца, Космоса.

Судьба ей выпала непростая. Не повезло в личной жизни. В 1946 г. она окончила педучилище, и её семнадцатилетнюю девушку послали работать учитель-

ницей первого класса в Варзи-Ятчинскую школу. Там в неё влюбился демобилизованный танкист, кавалер боевых орденов, будущий народный поэт Николай Байтеряков. Он прошёл войну, горел в танке. Танк был знаменосцем, о нём писали в фронтовой газете и книге, посвящённой войне.

Два года дружили молодые. Парень обожал свою любимую. За это время лишь раз в прозе объяснился в любви и один раз поцеловал в щёчку, прощаясь (у большого камня около бывшей деревенской церкви) после очередной прогулки по красивым горам, живописным оврагам, полям, лугам, лесам. Остальное признание выплеснул в стихах — целый сборник. На эти стихи сочинили музыку более двадцати композиторов.

Песни эти стали популярными в народе. Они исполняются и со сцены, и в застолье, и по радио. Но это уже потом, после разлуки. А разлучила их мать невесты. Её не устроила бедность жениха. Сирота. Как говорится, ни кола, ни двора. Работает избачом. А на её руках ещё трое детей, муж с войны не вернулся. И выдала она его замуж за работягу — за механизатора. За пять лет замужней жизни Вера Ивановна родила троих детей и ушла от мужа, сказала, что он ленивый, что у неё другое понятие о настоящем мужчине.

Развелась и девять лет одна воспитывала детей, вдобавок помогала младшим братьям и сёстрам. Затем к ней сосватался бывший фронтовик, вдовец, отец шестерых детей. Отчаянная женщина согласилась стать матерью девятерых детей. Одним из значимых аргументов была пасека нового мужа: она любила пчёл, поскольку её отец тоже был пасечником.

Фронтовик, израненный на войне, прожил недолго, скончался. Но вдова, многодетная мать, не опустила руки, не стала паниковать: всех детей приучила к труду, приучила вести деревенское хозяйство. А её самой хватало ещё и на школу, и на общественную работу. Мудрая женщина всех девятерых детей поставила на ноги, все они стали порядочными людьми. Многие из них имеют почётные звания, работают в разных отраслях, одна дочь — в должности начальника РУНО.

Вера Ивановна (как и любой человек) повидала всякого, но ей и в голову не приходит мысль жаловаться на судьбу или на недоброжелателей. Как и подобает *Дунне адями*, она (как носитель удмуртской культуры) говорит: «Всем, с кем меня свела судьба, я низко кланяюсь и говорю «спасибо» за урок. Каждый по-своему помог мне познать истину. Благодаря им, я во многом разобралась в жизненных премудростях».

С помощью этих примеров можно наглядно представить себе как претворяется в реальной жиз-

ни удмурта идея гармоничного сосуществования с окружающим миром, что собой представляет *Дунне адями*.

Там, где сохранились сложные социальные связи, и функционирует институт общественного мнения, смыслом жизни типичного удмурта является стремление стать *Дунне адями*. Этот идеал достигается через преодоление себя, через игнорирование физических страданий. Физические страдания он рассматривает как необходимость, закон жизни, который заведен не им, и он не вправе пересматривать его. Собственное тело для него ценно лишь тем, что является вместилищем души. А душа вечна. Она проходит круговорот и снова возвращается в *Югыт дунне*, воплотившись в новорожденного.

По мнению удмурта, стать *Дунне адями* можно тогда, когда научишься побеждать в себе *вож* (животное начало): эмоции и инстинкты (ревность, агрессивность, зависть). Способность победить не другого, а самого себя есть показатель высокого уровня духовности. Действительно, простить может только духовно сильный человек, поднявшийся над животным уровнем, способный управлять своими инстинктами и эмоциями.

Следуя по этому пути, удмурт строит гармоничные отношения и с природой, и с соседями, и с другими этносами. Если отступит от этого принципа, то падет в собственных глазах и утратит гармонию в отношениях со своим «Я». Он понимает взаимосвязанность мира. Понимает, что нельзя волюнтаристским вмешательством нарушить сложившееся равновесие в природе, что нельзя стать счастливым за счет чужого страдания, за счет угнетения другого этноса. Черпает энергию, духовную силу из осознания своей праведной жизни. И необходимо признать, что он **достиг высокого уровня по обретению человеческих качеств**, в том числе, сочетания покоя со сверхчувствительностью.

У *Дунне адями* много общего с Буддой: оба целостны и находятся в гармонии с окружающим миром и с самим собой, оба свободны от разрушения, экспансии, насилия и от физических страданий. Но есть и различия: *Дунне адями* в отличие от Будды занимается плодотворной деятельностью, является создателем (материальных и духовных ценностей); *Дунне адями* активен, вмешивается в то, что нарушает миропорядок, равновесие в окружающей среде. Побудителем при этом являются его мировоззрение, идейное убеждение, жизненные установки.

Принцип «не навреди»

Удмурта по миропониманию можно отнести к пантеистам. Он обожествляет Природу, старается ладить с духами Природы, чутко относится к окружающему миру, живет по принципу «не навреди» Природа для него — не объект разрушения: чтобы волюнтаристским вмешательством не нарушить сложившееся равновесие в окружающем мире, никогда не делает необдуманного шага. Подобно отношению и к социальному миру: стремится повлиять на мировоззрение людей своим примером, а не насилием, не принуждением; никого силой не тащит в рай (ни земной, ни потусторонний).

Удмурт подобен толстовцу: не борется ни с природой, ни с людьми. Его мировоззрение соответствует толстовскому принципу «непротивления злу насилием». Конфликт разрешает не через уничтожение противоположной стороны, а благодаря своей духовной **буферности**, гасит зло (социальные удары) на себе. Он понимает, что зло порождает зло, что при помощи насилия нельзя покончить с ним. Он не тратит время на «умственный разврат», не твердит всуе «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас», но прощает своим врагам; не произносит «не убий», а просто не убивает. Не произносит «подставь другую щеку», но подставляет ее; не говорит «полюби ближнего, как самого себя», но любит.

В литературе приведен случай так называемой «пассивной мести»: пострадавший не убивает своего обидчика, чтобы не принести горя его близким людям, но, желая наказать, принудить его покаяться, стремится разбудить его совесть, совершает самоубийство. Добровольно уходит из жизни своеобразно: повесившись во дворе обидчика. (Можно провести параллель с харакири самураев — рыцарей чести).

Логика действий суицидента следующая: самоубийство обиженного потрясает психику обидчика — собственный двор каждый день напоминает ему о неверности его жизненных установок. Позорное пятно ложится не только на него, но и на честь всего рода. Худая молва ходит долго, ее передают из поколения в поколение, и никто не хочет породниться и дружить с его семьей. Таким образом, суицид становится своеобразной профилактикой неэтичного поведения.

«Постоянное угнетение и издевательства, которые ему (удмурту — А.Р.) приходилось до революции встречать со стороны русских чиновников и попов, заставили удмурта осторожно относиться к пред-

ставителям самодержавия и скрывать все от людей русского происхождения. Поэтому в разговоре удмурт не словоохотлив. В русской среде он больше молчит и редко принимает участие в спорах и беседах»²⁶.

Да, удмурт не словоохотлив, но сдержан он не только по причине унижения маргиналами, утратившими этнокультуру. Сдержанность — это признак мудрости. По этому поводу есть поговорка «Молчание — золото...». Побуждая молчать, призывая слушать другого, народная мудрость придумала вопрос для несмышленного говоруна: «Почему у человека два уха и один рот?»

Чем больше человек говорит, тем больше искажает истину. Правильно сказано: «Слово — не воробей...». Не к месту или неверно сказанное слово может нанести непоправимый вред. Удмурты осуждают сплетника (*кыл волдись*). Осуждают даже заочное злословие: «Перестаньте осуждать его, не тратьте на него время, он не достоин вашего внимания. Говорят, когда много судишь, он очищается, освобождается от грехов. Смотрите, благодаря вам, негодный человек может стать святым».

Осторожность в подборе слов и немногословность оправдана также бедностью нашего языка. Реальность в той же степени многогранна и богата содержанием, в какой степени убогость языка не дает возможности вербально отразить истину.

Установлено, что песня, взгляд, осанка, танец, движения тела говорят больше, чем слово. Психологи утверждают, что человек с помощью своих зрительных рецепторов получает информации в восемь раз больше, чем с помощью слуховых. Отсюда можно понять, почему носители традиционной культуры мало пользуются прозаической речью.

Большую роль в жизни удмурта играет поговорка «*Чидан чигымтэ*». Речь идет не только о толерантности. Поговорка призывает к философскому терпению (даже

в невыносимых условиях). Конфуций и царь Соломон тоже среди всех человеческих качеств на первое место ставят терпеливость. Действительно, удмурты (наряду с китайцами, евреями, японцами и жителями Юго-Восточной Азии), способны выживать в тяжелейших условиях.

Удмурты свободны от комплекса экспансии: за всю свою историю они никому не навязывали ни свою веру, ни свою культуру, не посягали на чужую территорию, не покоряли ни один народ, не присваивали чужой труд. Они стараются со всеми ладить. Более того, в XIX в. уступили землю русским переселенцам с территории современной Кировской области. Только на общинной земле моей родной деревни Кузьымгурт основались четыре русские деревни: Медведка, Башкировка, Мочаловка, Лебедевка. Им выделили пашню, покосы, лес. Кроме того, в самой деревне Кузьымгурт заселились 14 русских семей. Правда, на сегодняшний день никого из них в сельской местности не осталось: жители всех этих четырех деревень и все русские из Кузьымгурта мигрировали в город (начали уезжать в сталинское лихолетье и окончательно перебрались в начале так называемой перестройки).

Мир в представлении удмурта заполнен духами. Духи водятся везде и являются хозяевами во всех помещениях, строениях, в лесу, в горах, в воде. С ними надо считаться и сосуществовать. Нельзя посягать на их суверенность. Дух избы *Корка Кузё* обеспечивает благополучие семьи, дух хлева *Гид Кузё* охраняет скот от злых духов. Удмурт старается не только ладить, но и разговаривает с ними вслух, просит извинения за вторжение во владения духа (заходя в лес или воду).

Сложные связи с внешним миром удерживают удмурта от волюнтаристского, произвольного нарушения сложившегося равновесия в Природе. Действительно, до сих пор природа Удмуртии сохранена, не разрушена.

Список литературы:

1. Амонашвили Ш.А. Истина школы. М., 2006.
2. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник: 1984-1985. М., 1986.
3. Бенифанд А.В. Праздник: сущность, история, современность. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986.
4. Васильев И. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской Губерний. Казань, 1906.
5. Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики: Монография. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997.
6. Герд К. О ней я песнь пою...: Стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма. Ижевск: Удмуртия, 1997.

²⁶ Герд К. О ней я песнь пою...: Стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 127-128.

7. Гришкина М.Г., Корепанов К.И. Дауръёс пыр: Вашкала-вашкала удмуртъёс сярысь очеркъёс. Ижевск: Удмуртия, 1997 (на удм. яз).
8. Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 2007.
9. Леонтьев Д.А. Труд становится человеком и удовольствие оставаться обезьяной. // Гуманитарный альманах «Человек. RU». 2007. № 7.
10. Мадуров Д.Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. Чебоксары, 2004.
11. Мизов Н. Праздник как общественное мнение. София, 1966.
12. Народы России: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994.
13. Рамбо А. Живописная история древней и новой России / Пер. с фр. М.: Современник, 1994.
14. Спирова Э.М. Символ в истолковании К. Леви-Стросса // Философия и культура. 2008. № 5.
15. Спирова Э.М. Пауль Тиллих о символической природе культуры // Философия и культура. 2009. № 6.
16. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 12 тт. М.: Правда, 1987. Т. 11.
17. Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки / Сост. Т.Г. Перевозчикова. Устинов: Удмуртия, 1987.
18. Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании. Избранные произведения. М., 1968.
19. Трубецкой Н.С. Русская проблема. М., 1921.
20. Шажинбатын А. Проблема культурной идентичности // Эдип. 2008. № 3.
21. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993.

References (transliteration):

1. Amonashvili Sh.A. Istina shkoly. M., 2006.
2. Bakhtin M.M. K filosofii postupka // Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki. Ezhegodnik: 1984-1985. M., 1986.
3. Benifand A.V. Prazdnik: sushchnost', istoriya, sovremennost'. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1986.
4. Vasil'ev I. Obozrenie yazycheskikh obryadov, sueveriy i verovaniy votyakov Kazanskoy i Vyatskoy Guberniy. Kazan', 1906.
5. Vladykina T.G. Udmurtskiy fol'klor: problemy zhanrovoy evolyutsii i sistematiki: Monografiya. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 1997.
6. Gerd K. O ney ya pesn' poyu...: Stikhi i poem, stat'i i nauchnye raboty, pis'ma. Izhevsk: Udmurtiya, 1997.
7. Grishkina M.G., Korepanov K.I. Daur'es pyr: Vashkala-vashkala udmurt'es syarys' ocherk'es. Izhevsk: Udmurtiya, 1997 (na udm. yaz).
8. Gumilev L.N. Ritmy Evrazii. Epokhi i tsivilizatsii. M., 2007.
9. Leont'ev D.A. Trud stanovit'sya chelovekom i udovol'stvie ostavat'sya obez'yanoy. // Gumanitarnyy al'manakh «Chelovek. RU». 2007. № 7.
10. Madurov D.F. Traditsionnoe dekorativnoe iskusstvo i prazdniki chuvashy. Cheboksary, 2004.
11. Mizov N. Prazdnik kak obshchestvennoe mnenie. Sofiya, 1966.
12. Narody Rossii: entsiklopediya. M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1994.
13. Rambo A. Zhivopisnaya istoriya drevney i novoy Rossii / Per. s fr. M.: Sovremennik, 1994.
14. Spirova E.M. Simvol v istolkovanii K. Levi-Strossa // Filosofiya i kul'tura. 2008. № 5.
15. Spirova E.M. Paul' Tillykh o simvolicheskoy prirode kul'tury // Filosofiya i kul'tura. 2009. № 6.
16. Tolstoy L.N. Sobr. soch. v 12 tt. M.: Pravda, 1987. T. 11.
17. Udmurtskiy fol'klor: Poslovitsy, aforizmy i pogovorki / Sostavitel' T.G. Perevozchikova. Ustinov: Udmurtiya, 1987.
18. Ushinskiy K.D. O narodnosti v obshchestvennom vospitanii. Izbrannye proizvedeniya. M., 1968.
19. Trubetskoy N.S. Russkaya problema. M., 1921.
20. Shazhinbatyn A. Problema kul'turnoy identichnosti // Edip, filosofskiy, psikhoanaliticheskiy i pedagogicheskiy zhurnal. 2008. № 3.
21. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. 1. Geshtal't i deystvitel'nost' / Per. s nem. K.A. Svas'yana. M.: Mysl', 1993

Продолжение в следующем номере.